

К 1366030

БОРИС ЛУТОШКИН
ТАТЬЯНА КОРОТКОВА

БЫЛА ВОЙНА

БОРИС ЛУТОШКИН
ТАТЬЯНА КОРОТКОВА

БЫЛА ВОЙНА

К 1366030

Вологда, 2005

Лутчишкин Б.М.

«Нам дороги эти позабыть нельзя»

Лев Ошанин

ПРОЛОГ

Наконец-то душа потребовала немедленно сесть за письменный стол и рассказать о моем новом знакомом. Впервые увидела его на автобусной остановке. Сердце сжалось: похож на моего отца и лицом, и фигурой. Вот только папа не успел состариться так, как этот пожилой человек. Папы нет со мной вот уже двадцать лет.

Его двойник был одет в спортивную куртку и шапочку, лицо чисто выбрито. В руке посошок, сумка на ремне сбоку: обе руки свободны. Сильно сгорблен.

Во второй раз увидела... в кровь разбитое лицо. Он шел мимо, казалось, падая при каждом шаге: сгорбленная на девяносто градусов спина заставляла убыстрять шаги. Догнала почти вовремя — смягчила падение на высушенный майским солнцем асфальт.

Мы вместе дошли до его подъезда. По дороге я из чувства уважения рассказала о папе.

Моим спутником оказался Лутошкин Борис Михайлович, 1925 года рождения. Фронтовик, полковник в отставке. Захотелось побольше узнать о рядом живущем, как оказалось, необычном человеке. Пригласила к себе домой.

Встреча состоялась летом. Был июнь, посадка в огороде еще не закончена, но откладывать на потом — не тот случай. Приготовила диктофон.

Говорил Борис Михайлович очень тихо. Выручила папка с материалами, предусмотрительно взятая им с собой.

После того, как гость ушел, читаю и понимаю, что для многих вологжан имя этого мужественного человека, возможно, известно: «Семидесятилетний роллер», — таков заголовок статьи Ольги Колтаковой в газете «Комсомольская правда» в Вологде от 31 мая 2002 года. Но ведь до того его плечи познали долю полковничьей шинели и фронтовой солдатской. Чем дальше от нас огненные годы Священной войны, тем дороже каждое слово, произнесенное фронтовиком. В мозгу оживают стихи моего брата, бывшего военного:

— Ты с любовью шитая,
Пулями пробитая,
На кострах прожженная
В бурю и метель,

Временем потрепана,
Бережно заштопана
Фронтальная верная
Серая шинель.

С восемнадцати лет, с 1943 года солдат Лутошкин сначала в учебке, потом на фронте. Хочется побыстрее узнать, не рядом ли с папой был. Узнала — не на Белорусском. Был он минометчиком. Рассказ о пережитом Борис Михайлович начал с детства. А у меня перед глазами и моя родина, замеченная снегами.

— Там безбрежно-светло
И серебряно-чисто на ночлег упокоился снег...

Счастливая невозвратимая пора

«Счастливая, невозвратимая пора. Я рос в вятской деревеньке Селахово. До школы родители брали меня на полевые работы. В свободное время бегали с мальчишками по деревне, играли в городки. Отец никогда не брал в руки ремня, никогда не наказывал нас, его сыновей. Наоборот, заботился, сделал мне лыжи из дуба, да такие, что обгонял я всех сверстников в деревне.

Удивительное дело: лыжами я начал заниматься с раннего детства. Когда лед — коньки. Лыжами, в основном, вечером. Уклон деревенской улицы был достаточный, чтобы скользить, толкаясь палками. В ночное время, да при луне, было настоящее раздолье.

Помню, заболел. После пятимесячной болезни встал вопрос: остаться на второй год в шестом классе или сдавать экзамены. Отец предоставил решать это мне. Я выбрал экзамены и сдал.

Жили трудно, как и все тогда. Отец подрабатывал катанием валежников, а мама плела кружева. Нас у родителей было пятеро.

С седьмого класса я работал по полной программе: все каникулы пахал, боронил, косил, убирал сено, зерно, был рабочим на комбайне, последний год перед армией — на тракторе».

Воспоминания о довоенной поре на этом месте заканчиваются. Неодолимо хочется их продлить. На помощь приходят строки одного из самых пронзительных стихотворений Сергея Сергеевича Орлова «Приснилось мне жаркое лето»:

— Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост.
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.
Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не выдавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв...

Уже недолгое время отделяет юношу от кромешного ада войны, от смертельной яви, которая потребует мужества во имя спасения родимых мест.

Пытаюсь вновь дозвониться до Бориса Михайловича. Разговариваю с его сыном. Врач по профессии, хозяин сочного баритона развеял тревогу: «Папа в санатории уже месяц, приедет 26-27 декабря». — Слава Богу, все в порядке. — Радуюсь за его сына: счастливый, он может говорить с живым папой, он еще может записывать каждое слово, сказанное отцом о войне, о жизни. Я бы сейчас, будь мои папа с мамой живы, упросила бы рассказать все-все о родословной, о том, как они полюбили друг друга, какие небо, река, лес, люди помогали им радоваться жизни, каждую черточку их лиц зарисовала бы, перецеловала бы... Поздно прозреваем.

Чем дальше углубляюсь в его воспоминания, тем больше нравятся мне этот человек. Он знал цену воде и хлебу, дружбе школьной и фронтовой.

«Война... Хочу поделиться воспоминаниями об одном мальчике, Юре Погорелове. Он появился у нас с эвакуированным из Харькова предприятием по производству телогреек и ватных брюк для армии. Так вот, этот юноша привез скрипку и до чего здорово на ней играл, что эта игра осталась в памяти на всю жизнь. Я до сего дня веду с ним переписку. Ну как он играл!

Еще помню, как мы, дети крестьян, помогали своим однокашникам из эвакуированных хоть как-то подкормиться. Дело обстояло так: родители были не особенно настроены на официальную помощь, в деревне было голодно. Так вот, во время завтрака возьмешь горбушку черного хлеба и, чтобы родители не видели, завернешь во что-нибудь — и в школьную сумку. А перед школой у ворот тебя уже ждут товарищи.

Анна Степановна и Михаил Борисович Лугошкины.

ТЯЖЕЛО В УЧЕЬИ

В конце февраля 1943 года я был призван в Кировское военнопехотное училище, эвакуированное из Львова. Зачислили курсантом в минометную роту, стал осваивать 82-миллиметровый миномет.

Учеба длилась четыре месяца. Привыкать было трудно: дисциплина царилла такая, что в сторону нидуа не прыгнешь — шли усиленные занятия то в классе, то на плацу». — А у меня перед глазами оба: мой герой и отец. Стало стыдно за себя: до сих пор почти ничего не знаю о том оружии, с которым Лутошкин прошел войну до ее победных залпов.

— Но мне повезло,
Что отец по Великой стране
Живым, хоть и раненым,
К маме моей воротился.

Вернулся и уже двадцать лет тому, как покинул земной наш рай. А я? — Все не соберусь дочитать любимую папину книгу «Воспоминания и размышления» Георгия Константиновича Жукова, папиного тезки по имени и отчеству. Все не схожу в библиотеку и не возьму почитать книгу о минометчиках и об артиллеристах в Великой Отечественной войне.

И пошла я в библиотеку, и открыла Советскую Военную Энциклопедию за 1978 год, т.5 на странице 305 и прочитала, наконец: «Миномет — гладкоствольное артиллерийское орудие, предназначенное для стрельбы по навесной траектории. Это позволяет вести огонь через препятствия и поражать врага в окопах, траншеях, ущельях. Готов стрелять при любой погоде, скорострелен, точен, стрельба высокая. Изобрели его в 1904 году во время осады Порт-Артура русские офицеры: капитан Л.Н. Гобято и мичман С.Н. Власьев.

Основными частями конструкции миномета являются ствол, опорная плита и лафет».

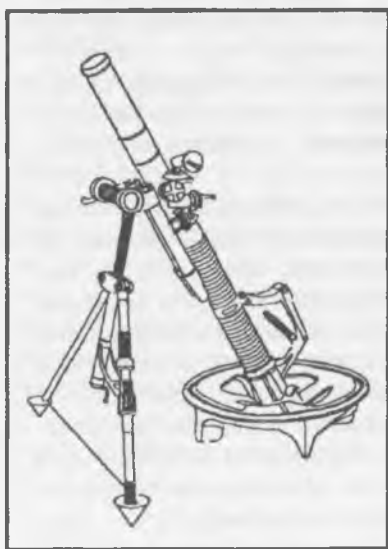
— Прилег вздремнуть я у лафета, —

тут же вспоминаются родные с детских лет лермонтовские строки. — «Боевой вес миномета — 90 кг., максимальная дальность

стрельбы — 4200 метров, перевод из походного положения в боевое — 1 минута, вес мины — 3,3кг., боекомплект — 120 мин, боевой расчет — 6 человек».

И Борис Михайлович Лутошкин в этом расчете наводчик. А «орудием труда» моего папы была 76-миллиметровая пушка. Вот тут, дорогой читатель, память моя, возможно, дает осечку, говоря фронтовым языком. Отец до начала войны только-только отслужил армию, поэтому, всего скорей, был командиром орудия. Под Брестом папина часть попала в окружение. Раненый, отец благополучно вышел через несколько недель к своим, подлечился в госпитале и после артиллерийских курсов командовал батареей. По рассказам мамы, он после войны, вернувшись уже в сентябре 1946 года, долго еще во сне кричал: «Батарея, огонь!» И первый его тост за праздничным столом был его: «Огонь!»

Сколько передумано, сколько пережито...

Открываю заветную папину книгу Маршала Жукова. И не нахожу в ней ни одной папиной заметочки.

Одной из причин, которая не дала мне записать папины воспоминания, была та, что не давала ему говорить: мешали спазмы в горле.

Кинофильмы о войне он всегда ругал: правды о ней там было с гулькин нос.

Борис Михайлович, я благодарна вам за то, что на нашу суету сует помогли посмотреть более здраво, надо поспешить рассказать о своих родителях. Но я отвлеклась.

ДМИТРОВ. СКОРО НА ФРОНТ

«По приказу о направлении личного состава на формирование воздушно-десантных войск была проведена комиссия на годность. Четверо, в том числе и скрипач Юра, комиссию не прошли. Мы не могли поверить, что Юрка с нами не поедет.

И вот мы в эшелоне. Это уже май 1944 года. Едем. Выгружаемся в городе Дмитрове под Москвой. Там проходит формирование отделений, взводов, рот. Командирами отделений назначены сержанты из полковых школ: из города Канска и других. Опять строим землянки, обживаемся. В овраге собираем зеленую траву и набиваем ею наши тюфяки, укладываем их на нары, вместо одеял — шинели. Пока обустранивались, отдохнули. Потом началась усиленная боевая подготовка.

Утро начиналось по сигналу трубы. Из землянок в быстром темпе выбегают солдаты на физическую зарядку. Она продолжается тридцать минут. Затем туалет и заправка кроватей.

Кормили нас хорошо, по первой норме. Обед, например, из трех блюд: щи с мясом, на второе — мясо или рыба с гарниром, на третье — кисель или компот. Голод, конечно, ощущался, но голодухи не было.

Расскажу об одном происшествии. На противоположном от нас берегу оврага располагался склад с картофелем. Наши курсанты стали посещать это «картофельное сокровище», как выразился наш комбат, майор Чустрак Иосиф Никифорович. Ходили, в основном, ночами. Когда начальство узнало об этом, нашего командира вызвали на совещание. Мы тогда унесли из склада картофеля на двадцать пять тысяч рублей. Позже майор нам сказал, что нас... простили.

После завтрака рота десантников уходила в лес. Занятия проходили по расписанию. Периодически — с пулевой стрельбой. Часто использовались трофейные мины, поэтому производился перерасчет дальности стрельбы: у немцев минометы имели калибр 81 мм., у наших — 82 мм. Разница в 1 мм. и будет составлять основу перерасчета.

Мы мало жили в землянках — походы, походы, походы с минометом. Орудие устанавливалось на лыжные санки, к которым были прикреплены лямки для сцепления с двумя бойцами из расчета: наводчиком и заряжающим.

С конца марта учились форсировать водные преграды. Мы тогда уже знали, что нас отправят на Карельский фронт».

Папа рассказывал, что многие тонули на переправах только потому, что не умели плавать: кто стеснялся сказать, кого не успели научить, кто на авось понадеялся. Мне запомнился папин рассказ, как пришлось налаживать телефонную связь через реку Березину. Вода холодная, течение быстрое, провод в зубах. Так он один и перетащил его на другую сторону. Сильный был.

«Надо отметить особую подготовку к прыжкам с аэростатов и самолетов, — продолжает вспоминать Борис Михайлович. — Была строгая программа без каких-либо отклонений, выполнение ее шло под неусыпным наблюдением инструкторов-укладчиков. Мы укладывали парашюты, цепляли их на плечи и шагали в город Яхрому, что километрах в восемнадцати от Дмитрова.

Хочу заметить, что единственные войска в период боевых действий не имели на снабжении ботинок с обмотками — это воздушно-десантные. Все время имелись сапоги. В период прыжков сапоги привязывались к ногам различными перевязочными средствами. Были случаи, когда по неопытности парашютисты теряли один или оба сапога в момент раскрытия парашюта.

Несколько слов о переживаниях в период прыжков. Какой-никакой страх, конечно, имелся, но этот страх появлялся после первых случаев аварийности. Однажды один из курсантов при выбрасывании из самолета за что-то зацепился парашютом, и тот не раскрылся. Все последующие курсанты прыгали, видя болтающегося за бортом беднягу. Командир бригады находился на площадке приземления и наблюдал эту картину. Парашютист не растерялся, перерезал стропы основного парашюта и спустился на запасном. Командир бригады отправил курсанта домой после поправки.

Боевая подготовка длилась с конца июня 43 года по май 1944-го. Мы были, так сказать, резервом ставки.

ЗА НАШУ РОДИНУ — ОГОНЬ! ОГОНЬ!

Но вот получен приказ отправляться на фронт. Сначала прошло переформирование: из 19-той Гвардейской воздушно-десантной бригады сделали 299 Гвардейский стрелковый полк. Штат минометной роты фактически остался такой же. Вот он, боевой расчет нашего 82-миллиметрового миномета: командир орудия старший сержант Никифоров, имя и отчество, к сожалению, забыл; наводчик Лутошкин Борис Михайлович — по калиматорному прицелу наводит миномет на цель, рядовой; подносчик мин рядовой Даненбург Владимир Иосифович — в походном положении переносит два лотка мин по три мины в каждом, вес мины — 3,14 кг.; подносчик мин рядовой Муравьев Михаил Иванович — в походном положении переносит два лотка мин; снарядный рядовой Спицын — в походном положении переносит плиту, снаряжает мину дополнительными патронами в соответствии с дистанцией полета мины; Бурмистров — рядовой, производит зарядку миномета путем опускания мины в ствол миномета, в походном положении переносит двуногую стойку.

Батальоны в полку стало четыре вместо трех десантных.

Покидали Дмитров шумно...» И пусть эту небольшую главу закончат слова песни «Десантники», которая, возможно, рождалась в одни и те же дни, что и батальоны. Тем более, там говорится и о пушкарях, благодаря которым так громко минометчики покидали город, уходили на войну.

— Когда десантники ушли на север,
Остался Дмитров тихий и пустой.
Они сказали: «Пока, до свиданья», —
И ласково махнули рукой.

Это было тихою весною,
Цвели цветы и пели соловьи.
Чтобы исполнить долг перед страной,
Пошли десантники-орлы.

И отъезжали. песни напевали:
— Прощай, любимый город наш родной.
И день, и ночь они салютовали,
И им ответили салютом под Москвой.

Но не забудут их наши девчата,
Они верны десанникам-орлам.
Да, это были смелые ребята,
Они давали жизни пушкарям!

Не все «пушкари» и десантники вернутся из боя к своим любимым, в том числе и в тихий город Дмитров. Кому — грудь в крестах, кому — безымянный холмик...

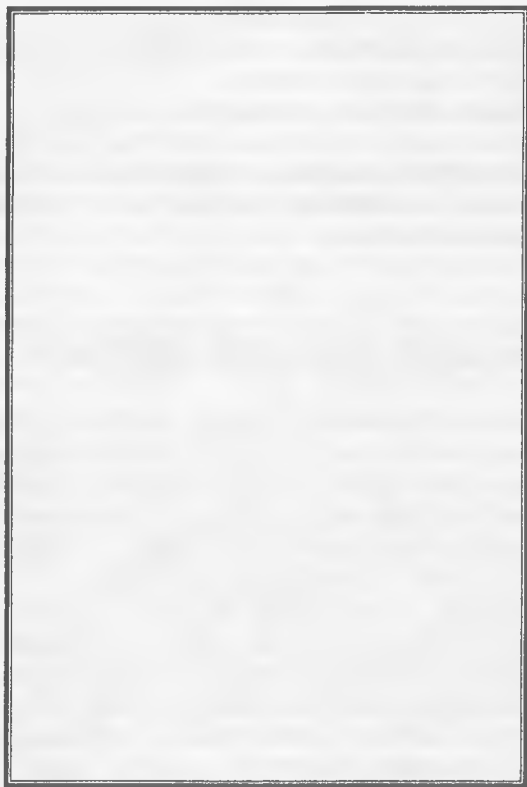
ДОЛГО БУДЕТ КАРЕЛИЯ СНИТЬСЯ

Тактика боевых действий в условиях карельских лесов и болот имела свои особенности: подразделение получало боевую задачу в ходе передвижения во фланг или тыл противника — по лесным чащам и болотам, совершая обходной маневр к намеченной цели, принимая меры предосторожности от «кукушек», противопехотных и противотанковых мин на танкоопасных направлениях.

Получив задание овладеть горой Железной, мы попали в топкие места, поросшие хилым, но густым лесом и кустарником. Вперед выслали опытных дозорных, снайперов и разведчиков. Особенно трудно в походе приходилось нам, минометчикам и пулеметчикам.

Кроме груза, о котором я уже рассказывал, у каждого имелось личное оружие: у наводчика пистолет ТТ, у подносчиков — автомат и карабин. При переходах можно использовать вьюки, но наводчик несет ствол на плече, так как при переноске во вьюке происходит болтанка. По опыту знаю, что кожа плеча, особенно правого, превращается в такую грубую, как примерно на пятке ноги. У пулеметчиков переноска пулеметов, как станкового, так и Горюнова, распределялась примерно таким же образом.

Подошли мы к Железной горе без особых хлопот, «кукушки» и мины нас миновали. Финны, видимо, были уверены, что русские не пойдут в обход, и Железную гору никто не защищал. Мы прошли по всем дворам, домов было одиннадцать-двенадцать. Обход населенного пункта закончился тем, что мы поймали единственное живое существо на горе — курицу. Время шло к обеду. Мы сварили суп, и нам разрешили отдыхать. Заснули сразу же, как только окопались.

*Командир орудия Никифоров в 1944 году был смертельно ранен
в одном из боев на Карельском фронте.*

Фотографии не сохранилось.

Может, кто отзовется?

Лугошкнн Борнс Мнхайлович.

Боевой расчел 82-мм мннметел.

*Наводчнк. По калнматорному прнцелу наводнт мннмет на цель.
В походном положеннн переноснт ствол во вьюке нлн без вьюка.*

1366030

Даненбург Владимир Иосифович.

Рядовой. В австрийских Альпах был тяжело ранен и после полуторагодового лечения в госпитале научился писать «рукой Крукенберга» и написал два романа «Путь без привала» и «Голос солдата».

* * *

Боевой расчет 82-мм миномета.

Подносчик мин. В походном положении переносит два лотка мин, по 3 мины в каждом лотке. Вес мины - 3,14 кг.

Рядовой Муравьев.

* * *

*Боевой расчет 82-мм миномета.
Подносчик мин. В походном положении переносит
два лотка мин, по 3 мины в каждом лотке. Вес мины - 3,14 кг.*

Рядовой Синицын.

*Боевой расчет 82-мм миномета.
Снарядный. Снаряжает мину дополнительными патронами
в соответствии с дистанцией полета мины.
В походном положении переносит плиту.*

Рядовой Бурмистров.

* * *

*Боевой расчет 82-мм миномета.
Заряжающий. Производит заряджение миномета
путем опускания мины в ствол миномета.
В походном положении переносит двуногую стойку.*

Но сон был непродолжительным. Финское командование опомнилось и решило взять Железную гору в свое владение обратно. Начался такой обстрел, что сразу же появились раненые. Во взводе был ранен подносчик мин рядовой Зуев, фамилию второго раненого не помню. Огонь был ураганным.

Как только он прекратился, финны сразу пошли в атаку. Наш командир батальона, майор Чустрак лично поднял минометную роту и повел в атаку. Момент был такой, что мы сблизились с противником на расстояние пятнадцати-двадцати метров. Я был вооружен пистолетом ТТ. На какие-то доли секунды нажимаю спусковой крючок раньше, чем финн. Пуля свистит над моей головой, а вражеский солдат начинает падать. Комбат был за пулеметом. Атаку противника мы отбили с большими потерями. В ход шли гранаты, приклады карабинов, саперные лопатки, ядреный русский мат. Финны отошли в лес.

На этом бой у Железной горы не закончился. Финны, отойдя на перегруппировку своих сил, через час снова начали наступление. Но наш комбат сдержал натиск. Тем более, уже подходило подкрепление: один батальон то ли 299-го, то ли 302-го саперного полка. И когда он соединился с нашим, противник вынужден был отступить.

В память об этом бое была установлена мраморная плита с такой надписью:

**«ЗДЕСЬ СТОЯЛ НАСМЕРТЬ
БАТАЛЬОН МАЙОРА ЧУСТРАКА 299 с.п.
ПОСВЯЩАЕТСЯ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ГЕРОЕВ».**

Памятная плита была установлена в день встречи ветеранов, которые проводились регулярно после войны через пять лет.

ВТОРОЙ УКРАИНСКИЙ ФРОНТ

После разгрома противника на Карельском фронте наш 37 Гвардейский стрелковый корпус был переформирован вновь, и 299 Гвардейский стрелковый полк стал 19-той Гвардейской бригадой.

Расквартированы мы были в городе Могилеве. Здесь проходила та же подготовка, что и в Дмитрове под Москвой: укладка парашютов и прыжки в таком же количестве, как и в Дмитрове, то есть минимум шесть прыжков. Поэтому сразу переключусь на дислокацию нашей бригады по Украинскому фронту.

Здесь дорога у нас была длинная. Дело в том, что мы сначала прибыли в Польшу, а потом с польского направления — на Венгрию, в район озера Балатон», — с детства родное озеро, так как оно было одним из героев папиных рассказов о войне. — «После выгрузки из эшелона мы подходили к линии фронта ночами и только двое-трое суток — в дневное время.

По прибытии к месту боевых действий мы начали наступление. Подробно анализировать не буду, а только остановлюсь на двух случаях.

Первый — о боях под Варпалотой или Веспремом, точно не помню. В районе озера Балатон наши минометы активно помогали пехоте. Огневые позиции были, как обычно, за зданиями домов. Видимо, противник засек нас и, сделав несколько выстрелов, поразил один наш расчет. Мы сменили огневую позицию. Закончились мины. С пункта питания возвращается подносчик снарядов и сообщает о пристрелке маршрута... Тогда второй подносчик мин рядовой Даненбург принимает верное решение: дорогу до складирования снарядов, то есть между домами, он перекрывает сорокаметровым трассировочным шнуром, перебрасывая его через простреливаемую зону.

Рядовой Даненбург был тяжело ранен в другом бою. После полугодового лечения он научился писать раненой рукой и впоследствии стал писателем. Его роман «Путь без привала» и «Голос солдата», возможно, известны читателю. В эпилоге романа «Голос солдата» он отметил следующее: «Святой долг моего героя звать со страниц книг к человеческому разуму, предостерегать и напоминать, ...во что человеку обходится война. Монументы молчат. Люди могут услышать лишь голос прошедшего войну солдата. Да услышат они его!»

...А война продолжалась. Борису Михайловичу хорошо запомнился бой за гостиницу «Штиклер».

«Несколько атак взять ее с боя не увенчались успехом.

Тогда командир полка полковник Давыдов принимает решение: направить батальон майора Чустрака на обход гостиницы с тыла, то есть пройти по горной тропинке с лестницей альпинистов.

Как только личному составу батальона был отдан приказ, началась подготовка. Снаряжение на каждом десантнике было подтянуто до такого состояния, чтобы в любом случае никакого звука не издавало. Подгонкой снаряжения руководил лично комбат.

Как только проверка была закончена, батальон построили в колонну по одному, и мы отправились к месту предстоящего перехода. Да, путь нелегкий, но бойцы были воодушевлены предстоящей задачей.

Начался подъем по скобам лестницы. Через каждые двадцать-двадцать пять скоб делалась остановка, проверялось самочувствие, настрой десанта. Состояние уверенности в благополучном исходе боя было у всех. Но у некоторых появилось слабое головокружение. Командир роты дает команду произвести обвязку туловища трассировочными шнурами.

Вторая остановка. Солдат особенно привлекает пейзаж. В лошине уже появились первые пахари. Думы о конце войны, о своих пашенках, о том, что ожидает».

— Ширь даже грому не тесная,
Эху стократ рокотать.
И высота поднебесная —
Птице крылом не достать.
И чтобы не убаюкала,
Чтобы прожгла глубина —
Синяя капелька купола
На горизонте видна...

Стихи фронтовика Сергея Орлова помогают этим щемящим видением острее почувствовать тоску солдат по родной земле.

«Третья остановка. Думы, думы... Все ждали чего-то необычного. Но, к счастью, ничего не случилось. Как мы потом узнали, немцы от нас этого не ожидали и даже охрану не поставили. Они не ждали нас! Но замешательство с вражеской стороны было недолгим. Как только они увидели, что русских немного, начали сопротивляться.

На площадке, куда мы поднялись, лежали большие валуны. Как только мы расположились за ними, открыли минометный огонь по фрицам. Пехота, почувствовав нашу поддержку, пошла вперед. Атака захлебнулась, потому что с вражеской стороны донеслось русское: «Ура!»

Немцы посчитали возможным применить обманную тактику, потому что у них не оставалось сил отражать наш напор. А врагами нашими на этот раз оказались власовцы».

Позволю себе заметить, что власовцы, по рассказам отца, сопротивлялись яростнее немцев по вполне понятным причинам.

«Так продолжалось довольно долго: мы ждали подкрепления. Когда противник начинал шевелиться, то наши останавливали их криками «ура!». Брань с русским матом и угрозами: «Мы вас спустим без парашютов!» продолжалась до темноты.

Под прикрытием ночи к нам начало поступать подкрепление из хоззвода: раненные после выздоровления и другие резервы. На рассвете гостиница «Штиклер» была взята.

Этим же утром наши войска продолжили наступление и продвинулись в направлении Сан-Пельтена.

Последний, заключительный этап войны — 11 мая 1945 года под Прагой. Мы брали западную немецкую группировку в плен. Насколько я понимаю, она была готова сдаться американцам, но, видимо, по договоренности с нашим командованием эти фрицы достались нам, и 11 мая сорок тысяч немецких солдат оказались под нашим контролем. Мы их отвели на территорию Австрии и сдали органам МВД».

МАРАФОН ЖИЗНИ

Артиллерийские курсы, Подмоскowie, озеро Балатон, Прага, Австрия...

Борис Михайлович сидит у меня на кухонном диванчике. Это его третье кратковременное посещение. Рассматриваю лица фронтовиков-однополчан на военных фотоснимках, принесенных дорогим гостем. Снято в 43-м году, а словно бы сегодня — качество фотографий изумительное. На них — боевой расчет 82-миллиметрового миномета, люди, ставшие мне родными. Все они, кроме старшего сержанта Никифорова, командира орудия, после войны остались живы. Никифоров погиб в 44-м году на Карельском фронте. И место командира орудия занял рядовой Лутошкин.

В 1984 году от ран скончался Владимир Даненбург. Были ранены оба подносчика мин Зуев Павел и Муравьев Михаил из Омской области. Бурмистрова и моего гостя пуля миновала.

Не могу удержаться — глажу его руки. Этот человек сражался за мою жизнь. Любуюсь на кисти рук, на запястья — руки молодого человека. Он понял, едва слышно сказал: «Тренировки помогают». Скромн, исключительно скромн, как и в своих воспоминаниях о войне.

После Великой Отечественной войны Борис Михайлович Лутошкин служил писарем при штабе воинской части 0349 до 49 года. Потом окончил Ленинградское училище военных сообщений, Академию тыла и транспорта.

До увольнения в 1972 году командовал батальоном при учебном полку в Чернигове. Служил до сорока семи лет, пока медкомиссия не отправила в запас по состоянию здоровья. Она тогда указала, что в жизни поможет только спорт. До 1989 года, то есть до переезда в Вологду, работал в ДОСААФ инструктором. В Вологде до 1994 года тренером — там же.

Начались ежедневные занятия. В 1979 году благодаря газете «Советский спорт» он начал готовиться к первой спортивной гонке — Манжосовской Новогодней тридцатикилометровой. Поясню: гонки называются так в честь их организатора, большого любителя этого вида спорта Манжосова. К сожалению, имя его Михаил Борисович забыл. С 1979 года по 2002 ветеран участвовал в пятидесяти шести марафонах и гонках. Это около шестисот километров. В начале вместе с ним был его сын, а потом и внук.

Справа налево:

*Борис Михайлович Лугошкін - отец,
Михаил Борисович Лугошкін - сын,
Михаил Михайлович Лугошкін - внук.*

В его спортивном арсенале — тридцать девять значков и тридцать семь вымпелов, привезенных с разных соревнований из Москвы, Ленинграда, Олонца, Кирова, Чернигова, Череповца, Яхромы...

Когда сил, казалось, не было — ни духовных, ни физических — вспоминал солдат семидесятидвухлетнего спортсмена. Белобородого бегуна не допустили к соревнованиям. Но вопреки запрету, он пристроился к марафонцам и дошел до финиша.

И.П. Немченко, Б.М. Лутошкин.

*Неоднократные участники
международных марафонов по Дороге жизни «Белые ночи»,
«Ленинград-Пушкин», «Санкт-Петербург».*

Вот восемь строк о нем из стихотворения неизвестного автора:

... Я не сумел себя остановить:
Ведь шесть часов прошло с начала бега!
Я подошел и дал ему попить
И посмотрел в лицо, белее снега.

Подняв глаза, издав какой-то стон,
Он разогнул свою кривую спину,
Сказал: «Сынок, ну что мне марафон?!
Ведь от Москвы прошел я
до Берлина.

Ни на день не позволяя себе расслабляться, Борис Михайлович пробегал по тридцать-сорок километров ежедневно!

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Совет ветеранов горячо и сердечно поздравляет Вас с Вашим юбилеем!

Великая Отечественная война закончилась полной победой над фашизмом. Советский народ, его Вооруженные Силы преградили путь германскому фашизму к мировому господству, вынесли на своих плечах основную часть войны, выполнили свою великую освободительную миссию и сыграли решающую роль в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии.

Определенный вклад в достижение победы внесли и воздушно-десантные войска. В боях за Родину они покрыли свои знамена неувядаемой славой. Все дивизии закончили войну Гвардейскими, удостоены орденов и почетных наименований. Сотни тысяч десантников награждены орденами и медалями СССР, а более 200 из них получили высшую награду Родины — звание Героя Советского Союза.

Ваш ратный труд, отданный делу защиты социалистического отечества, будет жить вечно в памяти грядущих поколений.

Желаем Вам, дорогой друг, больших успехов в труде, личного счастья, долгого здоровья на долгие годы.

*Совет ветеранов 98-й Гвардейской воздушно-десантной
Свирской Краснознаменной ордена Кутузова дивизии.*

* * *

2005 год для Михаила Борисовича знаменателен еще и тем, что 17 апреля ему исполнилось 80 лет. Примите, дорогой человек, и мое поздравление. От моего поколения — низкий Вам поклон.

— Живи без войны, Весна!

*Ветераны 98-й Гвардейской воздушно-десантной Свирской
Краснознаменной ордена Кутузова дивизии.
Начало 80-х гг.*

* * *

Сидят:

*2-й слева - Тарышкин Иван Иванович,
наводчик соседнего миномета.*

*4-й слева - Яковлев Владимир,
подносчик мин соседнего миномета.*

«Поднимайтесь, славянские дети!
Роковая минута сейчас
Настает для грядущих столетий.
А опора да будет от нас».

М. Свистунов

ЭПИЛОГ

С девяносто четвертого года, после кончины жсны Галины Николаевны, фронтовик сильно сдал. Перешел на десятикилометровки. Сейчас у него первая группа инвалидности, «и о марафоне, к сожалению, думать не приходится».

Но попробуйте-ка ежедневно раз двенадцать с первого этажа на десятый хотя бы пройти. А он два года назад бегал. И сейчас не сдается: утром — 2-3 раза, вечером — 8-9 спусков и подъемов. Вспоминается: лестница, бой за гостиницу «Штиклер».

Поднимаюсь по легендарной для меня его лестнице.

Люди!

Мы — наследники победителей, которые отстояли наши жизни у самого злого врага. И что?

Цветы наши к 9 мая каждый раз запоздалые. Память наша — короткая и ленивая.

Герой войны убирает разбросанный нами мусор на первом, втором, ...десятом этажах, чтобы «воздуха было больше».

Фронтовик верен себе: его лестница — дорога вверх, к лучшему в себе.

А наша — куда?!

Содержание:

Пролог	6
Счастливая невозвратимая пора	7
Тяжело в учении	10
Дмитров. Скоро на фронт	12
За нашу родину — огонь! Огонь!	14
Долго будет Карелия сниться	15
Второй Украинский фронт	23
Марафон жизни	26
Эпилог	31

БОРИС ЛУТОШКИН, ТАТЬЯНА КОРОТКОВА

БЫЛА ВОЙНА

Повествование

о наиболее ярких страницах боевого пути
участника Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.
Лутюшкина Бориса Михайловича

Техническое руководство — Ю.П. Малозёмов
Корректор — Т.Г. Короткова
Компьютерная верстка и оригинал-макет — Т.Э. Тайганова
Лицензия ИД № 02513 от 31 июля 2000 г.

Тираж 200 экз.

Вологда, 2005